

Глава 10. Ночь на весенней реке

— Отпусти! Помогите! Старший брат, спаси меня!

— Если сейчас же не выпустите сестру, пеняйте на себя!

— Эй-эй-эй, — раздражённо отозвался Янь Хуайлин. — Что за нелепость? Она первая пустила в ход яд, и вообще...

— Получай, разбойник!

Не успел Янь Хуайлин договорить, как один из юношей в белом метнул в него несколько скрытых дротиков. Раскрыв веер, Хуайлин прикрыл лицо и в изящном пируэте взмыл в воздух, с лёгкостью уклоняясь от атаки.

Дротики вонзились в ствол дерева за его спиной. По форме они точь-в-точь походили на те, что бросала девчонка.

Снова отравленное оружие?

Видя, что снаряды не достигли цели, оба юноши одновременно бросились на Цзан Е. Они и глазом моргнуть не успели, как гвардеец призрачной тенью скользнул им за спины и стремительно запечатал акупунктурные точки.

— А-ах!.. — оба застыли на месте в нелепых позах, так и не успев выхватить новое оружие. Тот, что стоял чуть позади, кипел от ярости: — Подлец! Немедленно освободи нас!

Цзан Е собрал всё их оружие, отшвырнул в сторону и спокойно произнёс:

— Мы лишь проходили мимо этих гор и не замыслили против вас ничего дурного.

— Хм! Юэци-шань пользуется дурной славой, приличные люди не станут здесь разгуливать ради забавы. Верно, прокрались в горы со злым умыслом! — не унимался младший.

— А вот это мне уже совсем не по душе, — Янь Хуайлин осторожно вытянул из ладони ядовитый лист и, поморщившись от боли, добавил: — Коль эти горы столь печально известны, обычным воришкам здесь делать нечего — в такой глуши и поживиться-то нечем. Если следовать твоей логике и называть нас разбойниками только за то, что мы проходили мимо, то и вы немногим лучше.

— Ты!.. — лицо юноши налилось багровой синевой.

Хуайлин усмехнулся:

— Если бы мы и впрямь замыслили недоброе, сейчас здесь лежали бы три трупа.

Цзан Е бросил на спутника предостерегающий взгляд, но тот и не думал униматься:

— Эх, целый день в пути, едва нашли место дух перевести, а нас величают разбойниками... Какая несправедливость, право слово.

Юноша уже открыл рот для новой брани, но старший перебил его:

— Второй младший брат, погоди гневаться.

— Старший брат?

— Хоть эти двое и кажутся подозрительными, в словах их есть доля правды.

Любому мастеру было ясно: пропасть между их искусством и мастерством этих незваных гостей была огромной. Старший из учеников взглянул на Цзан Е — тот держался уверенно и статно, внушая гораздо больше доверия, чем этот заносчивый и острый на язык господин рядом с ним. Мужчина поумерил враждебность и произнёс:

— Раз вы, почтенные герои, лишь путники, прошу простить нас за былую грубость.

Цзан Е отметил, как быстро тот сменил гнев на милость, и ответил:

— Благодарю за понимание. Однако мы оба поражены ядом «Уснувшей пчелы». Если у вас найдётся противоядие, просим поделиться, чтобы мы могли продолжить путь.

— У героя намётанный глаз, — удивился юноша. — Надо же, узнали листья этой травы.

Цзан Е смиренно поклонился.

— Противоядие у нас есть, но оно в нашем доме в горах. Мы не брали его с собой. Не пожелают ли почтенные герои последовать за нами? — предложил ученик.

— Старший брат! — всполошился второй юноша, явно не желая вести чужаков в их убежище.

Тот, кого называли старшим братом, лишь взглядом велел ему замолчать и представился:

— Меня зовут Му Линьфэн, это мой младший брат Му Хуэйчжоо, а там — наша сестра Му Линчжи.

— Приятно познакомиться, — отозвался он. — Я — Цзан Е, а это господин Янь Хуайлин. Будем безмерно признательны за спасение.

— Отпусти меня! — взвизгнула девчонка, стоило Хуайлину ослабить хватку на её воротнике. — И если вам нужно лекарство, живо распечатайте точки моим братьям!

Янь Хуайлин хмыкнул, но отпустил малявку, а Цзан Е освободил юношей от оцепенения.

Му Линчжи тут же юркнула за спину Му Линьфэна и, вцепившись в его одежду, надула щёки:

— Старший брат, не веди их к нам!

Линьфэн нежно погладил её по голове и улыбнулся:

— Не бойся, сестрёнка. Пока я рядом, ничего не случится.

— Вы называете друг друга братьями и сестрой. Неужто обучаетесь у одного наставника? — любопытствовал Янь Хуайлин.

— Именно так, — кивнул Му Линьфэн. — Мы не кровные родственники. Позапрошлым летом, спасаясь от беды, мы забрели сюда, и один старец спас нас. Он взял нас в ученики и даровал свою фамилию — Му.

Хуайлин кивнул, и разговор иссяк. Путники привели себя в порядок и двинулись за троицей вверх по склону.

Вскоре перед ними открылась первая долина Юэци-шань.

Янь Хуайлин воодушевлённо переглянулся с Цзан Е. В глазах гвардейца тоже блеснул интерес — оба вспомнили наставления Е Чанлина.

Ученики поведали, что это место зовётся Долиной Неприкаянных Духов. Она была полна диковинных зверей и редчайших трав. Чужаку, не знающему местных троп, здесь было не выжить.

Пробираясь через дебри, Хуайлин и Цзан Е не переставали удивляться невиданным растениям. Если раньше они сомневались, что Цянь Чэньцзюнь мог поселиться в такой глуши, то теперь, видя это изобилие лекарственных сокровищ, легко могли представить радость великого

целителя, нашедшего столь богатые угодья.

Когда они достигли самого дна долины, пейзаж резко изменился: стены ущелья переплелись лианами, густая зелень стояла стеной, что совсем не вязалось с засохшей травой в других частях гор. Троица проводников внезапно замерла у края мрачного болота и обернулась.

Янь Хуайлин не успел спросить, в чём дело, как Му Линьфэн подхватил под руки брата и сестру и перенёс их по воздуху на другой берег.

Путники обменялись короткими взглядами и рванулись следом.

Странно, но стоило им оказаться над вязкой жижей, как та, прежде неподвижная, внезапно ожила с оглушительным рёвом. Мертвенная тина взметнулась вверх, пытаясь поглотить их.

Цзан Е и Хуайлин хотели было уклониться, но лианы на стенах ущелья, словно подчиняясь чьей-то воле, мгновенно оплели их ноги и с силой потащили вниз, в трясину.

Му Линьфэн, застывший в воздухе, отбросил маску мягкости. Его голос зазвучал сурово и властно:

— Вы лгали нам! Вы явились за «Трактатом о медицине Хуа»! Что ж, отправляйтесь к остальным негодьям!

С этими словами он резко взмахнул рукой. Лианы рванули вниз, и прежде чем Цзан Е успел обнажить меч, а Хуайлин — раскрыть веер, оба бесследно исчезли в зловонной пучине.

Му Линьфэн спустился на землю и посмотрел на бурлящую поверхность болота. Его лицо чуть разгладилось.

— Старший брат, нужно ли доложить учителю? — робко спросил Му Хуэйчжоо.

— Не стоит. Включая этих двоих, за трактатом пришло уже пятеро. Ни к чему тревожить наставника по пустякам.

— Но откуда у тебя такая уверенность, что им нужны именно записи учителя?

— Хм, — усмехнулся Линьфэн. — За те десять лет, что мы живём в горах, видел ли ты хоть раз простых путников, которые кружили бы по склонам столько времени? Обычные люди, услышав дурную славу этих мест, обходят их за версту. А эти сами лезли на рожон — значит, замыслили недоброе.

— Старший брат — сама мудрость! — захлопала в ладоши Му Линчжи.

— Возвращаемся, пока не стемнело, — скомандовал Линьфэн.

— Но те двое... — Му Хуэйчжоо помедлил. Эти двое казались ему не такими, как прежние воры.

— Это плоды их собственной алчности, брат. Не смей проявлять слабость.

—... Слушаюсь.

Липкие путы тянули его всё глубже, в самую утробу болота. Дышать стало невозможно. Янь Хуайлин попытался пустить в ход внутреннюю силу, но почувствовал, что трясина не просто вязкая — она словно высасывала истинную ци, лишая его всякой мощи.

Он не знал, где Цзан Е. В этой густой жиже нельзя было даже открыть глаза, оставалось лишь покорно следовать за лианами вниз.

В тот миг, когда он уже приготовился к самому худшему, вязкая хватка исчезла. Под ногами разверзлась пустота.

Не успев ничего сообразить, Янь Хуайлин — вечно щеголеватый и чистоплотный — рухнул на твёрдый пол пещеры, с ног до головы покрытый грязью. Он выплюнул порцию жижи и, глядя на свои одежды, ставшие тошнотворно-бурыми, едва сдержал позыв к рвоте.

Мгновением позже рядом приземлился Цзан Е, заходясь в тяжёлом кашле.

Янь Хуайлин яростно вытирал лицо от тины. Он знал, что той троице нельзя доверять, всю дорогу был начеку, и всё же угодил в ловушку. Какое унижение!

Цзан Е, напротив, сохранял спокойствие. Поднявшись, он оглядел грот. В глубине виднелось застоявшееся озеро с иссиня-чёрной водой, от которого несло такой вонью, что подойти было невозможно. Единственный выход вёл в узкий боковой туннель, уходящий в неизвестность.

После двухчасового перехода и падения силы были на исходе, но им пришлось собрать волю в кулак. Янь Хуайлин прежде никогда не сталкивался с ядом «Уснувшей пчелы». Теперь он на собственной шкуре ощутил его коварство: мышцы налились свинцом, дыхание сбилось, а сосредоточить ци в меридианах стоило невероятных усилий.

Едва он попытался встать, как мир перед глазами качнулся. Ноги подкосились, и он неминуемо

рухнул бы, если бы Цзан Е вовремя не подхватил его за плечи.

— Ты как?

— В порядке, — глухо отозвался Хуайлин, ощущая тяжесть в груди. — Это яд действует.

Он хотел отстраниться, но тело не слушалось, и пришлось позволить гвардейцу удерживать себя.

Сам Цзан Е отделался лишь лёгкой ссадиной на подбородке, и хоть выглядел лучше спутника, тоже страдал от головокружения и пелены перед глазами.

— Кажется, сегодня нам придётся ночевать в этом каменном мешке, — проговорил Янь Хуайлин, содрогаясь от первого приступа холода. Грязь на одежде начала стремительно остывать.

В пещере царил промозглая сырость. Поддерживая друг друга, они доползли до стены и опустились на камни.

Хуайлин привалился к холодному выступу и выудил из-за пазухи веер. Глядя на подарок, который Цзан Е когда-то лично для него выбрал, а теперь насквозь пропитавшийся грязью и влагой, он лишь горько вздохнул:

— Какая жалость. Такая вещь испорчена.

Цзан Е посмотрел на некогда белоснежный шёлк, теперь покрытый тёмными разводами. Он молча взял веер из рук Хуайлина и бережно раскрыл его, уложив перед ними на камни.

Янь Хуайлин хотел было вытереть грязь рукавом, но Цзан Е перехватил его руку.

— Если дать ему высохнуть так, останутся лишь складки, но тушь не поплывёт, — негромко произнёс гвардеец.

— И откуда же господину знать, что мне так дорога эта роспись? — Хуайлин, глядя на серьёзное лицо спутника, не удержался от смешка. — Обычная безделушка из лавки, даже если краска сойдёт — невелика потеря.

Цзан Е промолчал.

Лишь мгновение спустя он коротко кивнул:

— Как пожелаете.

Янь Хуайлин заметил, как с пряди волос Цзан Е на его красивое лицо стекает грязная капля. Видеть этого безупречного человека в таком виде было странно и... забавно. Гвардеец прежде всего позаботился о его веере, а не о себе.

Поддавшись внезапному порыву, Хуайлин протянул руку, чтобы убрать запутавшуюся в волосах Цзан Е травинку. Тот слегка отклонил голову, во взгляде мелькнуло недоумение.

Янь Хуайлин лукаво прищурился:

— Если господин не дорожит своим прекрасным лицом, то моё сердце просто не выдержит такого зрелища.

Взгляд Цзан Е, неизменно напоминавший неподвижную гладь озёрной воды, оставался пуст, но в нём застыло немое внимание. Хуайлину всегда нравилась эта сосредоточенность, хоть в ней и не было ни капли тепла.

Игнорируя едва заметную попытку отстраниться, он всё же вытянул остатки болотной травы из его волос. Цзан Е не стал сопротивляться, лишь слегка нахмурился.

Хуайлин тихо рассмеялся, понимая, что гвардеец просто привык к его выходкам, и наконец убрал руку.

— Господин Цзан, наставник Е умел испарять влагу одним касанием. Вы обучены этому приёму? — спросил он, стягивая верхнее платье и с трудом отжимая воду, борясь с подступающей тошнотой от яда.

— Не вполне в совершенстве, — ответил Цзан Е.

— Вот как? — удивился Хуайлин.

Ему всегда казалось, что «первый меч Поднебесной» знает всё на свете. Приём выглядел просто, но Цзан Е признал, что «не силён» в нём.

— Техника наставника кажется простой, но в её основе лежит тонкое управление дыханием и концентрация жара на кончиках пальцев.

— И в чём же сложность? — Хуайлин попытался сосредоточить ци, но из ладоней повалил густой белый дым. Жар оказался слишком велик: едва он коснулся ткани, как на подоле прогорела дыра.

— Эта техника зовётся «Ночь на весенней реке». Её суть в том, чтобы вернуть дыхание вещам и растопить лёд. Нужно не выталкивать силу наружу, а удерживать тепло внутри. Согревать, но не обжигать.

С этими словами Цзан Е протянул руку и коснулся промокшего платья Хуайлина. Спустя мгновение от влаги не осталось и следа — ткань стала сухой и тёплой.

Когда он убрал руку, Янь Хуайлин заметил на белоснежной ткани явственный след от его пальца.

Цзан Е тоже увидел его и, поджав губы, виновато произнёс:

— Прошу прощения.

— Ничего страшного, — Хуайлин с удовольствием похлопал по тёплой ткани и как бы невзначай провёл кончиками пальцев по следу, оставленному Цзан Е.

<http://bllate.org/book/17493/1709537>